

Политическая лингвистика. 2023. № 4 (100).
Political Linguistics. 2023. No 4 (100).

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Юе Сюе

Даляньский университет иностранных языков, Центр лингвистических исследований Северо-Восточной Азии, Китай, yuex570@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Историческая память и политическая идентичность России в дискурсивном пространстве Северо-Восточной Азии

АННОТАЦИЯ. Изучение региона Северо-Восточной Азии всегда было популярной темой для научных исследований политологов, историков, культурологов. Основная причина, по которой этот регион привлекает повышенное внимание научного сообщества, заключается в том, что Северо-Восточная Азия является микрокосмом огромных изменений в мире. Здесь сходятся множество мировых проблем и противоречивых национальных интересов: проблема взаимоотношений на Корейском полуострове, американо-японский союз, взаимоотношения Китая и США, интересы Японии, Южной Кореи и другие проблемы. В последние годы Россия проводит политику «Поворота на Восток», постоянно увеличивает инвестиции в Северо-Восточную Азию и укрепляет международное сотрудничество в этом регионе. Россия как партнер Китая по всестороннему стратегическому взаимодействию играет важную роль в поддержании мира и стабильности в Северо-Восточной Азии. В данной статье рассматриваются некоторые лингвистические аспекты этого процесса. Излагаются теории, придающие особое значение пространственным характеристикам, в когнитивной дискурс-лингвистике и лингвокультурологии. В свете этого предлагается рассматривать пространство Северо-Восточной Азии как целостное пространство дискурсивной культуры. Согласно теории П. Чилтона, дискурс на самом деле является пространством дискурса, созданным оратором с использованием времени, пространства и моды. Культурное пространство — это форма существования культуры в человеческом сознании, отраженная в языке, а историческая память и политическая идентичность в конечном счете формируют культурное сознание. В статье внимание концентрируется на изучении исторической памяти и политической идентичности России в качестве одной из основ для создания общего политико-культурного дискурсивного пространства и уникальной системы политического дискурса в Северо-Восточной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивное пространство, культурное пространство, лингвокультурология, политической дискурс, историческая память, политическая идентичность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Юе Сюе, доктор наук, преподаватель института русского языка, Даляньский университет иностранных языков; исследователь Центра языковых исследований Северо-Восточной Азии; 116044, Китай, Далянь, Люйшунское шоссе, 6; email: yuex570@126.com.

БЛАГОДАРНОСТИ.

本文系2022年度大连外国语大学科研基金项目一般项目“服务东北亚发展的区域语言规划研究”(2022XJYB13)阶段性成果。Статья представляет собой результат этапа общего проекта научно-исследовательского фонда Даляньского университета иностранных языков 2022 года «Исследование регионального лингвистического планирования в интересах развития Северо-Восточной Азии» (2022XJYB13).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юе, Сюе. Историческая память и политическая идентичность России в дискурсивном пространстве Северо-Восточной Азии / Юе Сюе. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 4 (100). — С. 238-245.

Yue Xue

Dalian University of Foreign Languages, Center for Linguistic Research of North East Asia, China, yuex570@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-1597-3927>

Historical Memory and Political Identity of Russia in the Discursive Space of North East Asia

ABSTRACT. The study of the North East Asia has always been a popular topic of research by political scientists, historians, and culturologists. The main reason why this region attracts increased attention of the scholarly community is that North East Asia is a microcosm of huge change in the world. Many world problems and conflicting national interests converge here: the problem of relations on the Korean peninsula, the American-Japanese alliance, the relationship between China and the United States, the interests of Japan, South Korea and other problems. In recent years, Russia has been pursuing a policy of “Turning to the East”, constantly increasing investments in North East Asia and strengthening international cooperation in this region. Russia, as China's partner in comprehensive strategic cooperation, plays an important role in maintaining peace and stability in North East Asia. This article discusses some linguistic aspects of this process. The author presents the theories that attach special importance to spatial characteristics in cognitive discourse linguistics and linguoculturology. In this light, it is proposed to consider the area of North East Asia as an integral space of discursive culture. According to P. Chilton's theory, discourse is actually a space of discourse created by the speaker using time, space and fashion. Cultural space is a form of the existence of culture in human consciousness, reflected in language, and in the long

© Юе Сюе, 2023

run, historical memory and political identity form cultural consciousness. The article focuses on the study of the historical memory and the political identity of Russia as a basis for creating a common political and cultural discursive space and a unique system of political discourse in North East Asia.

KEYWORDS: *discursive space, cultural space, linguoculturology, political discourse, historical memory, political identity.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yue Xue, Doctor of Philology, Professor of the Institute of the Russian Language, Dalian University of Foreign Languages, Center for Linguistic Research of North East Asia, Dalian, China.*

ACKNOWLEDGMENTS. The article is written within the the frame of the 2022 project of the research foundation of Dalian University of Foreign Languages “Research of regional linguistic planning for the sake of development of North East Asia” (2022XJYB13).

FOR CITATION: *Yue Xue. (2023). Historical Memory and Political Identity of Russia in the Discursive Space of North East Asia. In Political Linguistics. No 4 (100), pp. 238-245. (In Russ.).*

1. ДИСКУРСИВНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Северо-Восточная Азия уже давно является ареной борьбы политических сил — мировых держав. Китай, как крупный политический игрок в регионе, играет незаменимую и важную роль в решении вопросов Северо-Восточной Азии. В настоящее время важной частью общей внешнеполитической стратегии России является «поворот на Восток». Эта стратегия несет в себе четыре стратегические цели правительства Путина: развитие энергетической экономики, расширение геополитического влияния, сокращение разрыва между Востоком и Западом России и сохранение идентичности стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако в процессе реализации она сталкивается с препятствиями в виде сложившейся экономической структуры, сложной геополитической игры в Азиатско-Тихоокеанском регионе и культурной идентичности самой России в связи с Центральной Европой и Ближним Востоком. В результате указанная стратегия еще не достигла желаемых результатов. При этом исследователи отмечают: «Масштаб экономики и региональное влияние Китая делают его самой важной страной-мишенью для этой стратегии» [Mabo 2017: 49].

Для рассмотрения темы нашей статьи необходимо обратиться к теории культурного пространства. Французский мыслитель Фуко выдвинул теорию пространства, власти и дискурса и впервые проанализировал взаимодействие между ними. В развитие этих идей лингвист П. Чилтон (P. Chilton) отмечает, что человеческое речевое взаимодействие — это общение с использованием представлений о мире, а понимание речи связано с позиционированием говорящего и слушающего [Chilton 2004: 48]. П. Чилтон считает, что ключевую роль в политических текстах играет позиционирование по трем основным элементам — пространству, вре-

мени и модальности [Chilton 2004: 58], которые не только составляют пространство дискурса, но и представляют собой трехмерную структуру анализа политического дискурса, предложенную исследователем.

Среди них пространственное (space, сокращенно «s») позиционирование на оси может осуществляться посредством пространственного индикативного выражения (например, местоимения). Говорящий (я, может быть, «я» или «мы») занимает положение в центре «здесь» (here). Объекты, указываемые местоимениями второго или третьего лица, расположены вдоль оси «s», некоторые близко к «я» (self), а другие гораздо дальше. Расстояние между другими и самим собой на самом деле не измеряется, но люди обычно склонны ориентироваться на людей и вещи в соответствии с расстоянием от себя с помощью фоновых предположений и инструкций. На самом дальнем конце оси «s» находится «другой» (other) [Ван Хуэй, Сунь Цзин 2016: 29].

На оси времени (time, сокращенно «t») в начале находится время, когда происходит дискурс, то есть «сейчас». Время также может быть понято как близкое или отдаленное, например, прошлое и будущее обычно рассматриваются как далекое. В целом субъективное позиционирование на оси времени в политическом дискурсе имеет большое значение, и то, на какой части истории концентрируется внимание, имеет решающее значение для легитимизации идеологии страны и ее нынешней и будущей политики [Ван Хуэй, Сунь Цзин 2016: 29].

Ось модальности (modality, сокращенно «m») устроена сложнее. Часто она относится не только к пунктам «здесь» (here), «теперь» (now), но является отправной точкой для достижения познавательной правды (the epistemic true) и деонтически обязательного (the deontic right). Модальность, как и время и пространство, также концептуализирована в далекой и близкой степени. Как показано на рисунке ниже, на конце, близком к себе (self), должно быть понятие

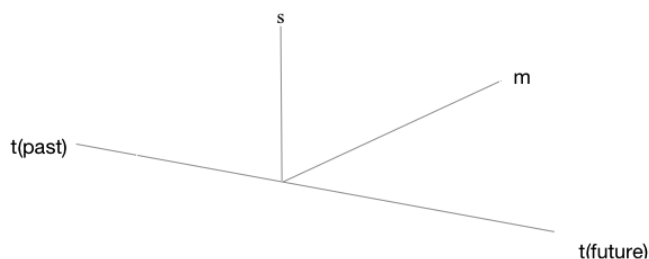

Рис. 1. Трехмерная структура для анализа политического дискурса [Chilton 2004: 58]

истинного (true), а на конце, близком к другому (other), должно быть понятие ложного (untrue, или falsity). Ближний круг (insider) включает «людей, близких к нашим стандартам» или «тех, кто поддерживает наши стандарты», а аутсайдеры (outsider) — наоборот [Ван Хуэй, Сунь Цзин 2016: 29].

Эти понятия и положения используются в теории культурного пространства — одной из теорий лингвокультурологии, выдвинутой учеными В. В. Красных и Д. Б. Гудковым. Концепция культурного пространства следует из антропоцентризма, определяется как «форма существования культуры в сознании человека, культура, выраженная сознанием, существование культуры в сознании ее носителя» [Красных, Гудков, Захаренко 2004: 10–11]. Культурное пространство включает в себя познавательное пространство, основанное на комплексном изучении культурного пространства как изнутри, так и снаружи, когнитивная структура культурного пространства делится на три уровня [Красных 1998: 45]: (1) индивидуальное когнитивное пространство, т. е. совокупность знаний и идей, существующих в индивидуальном сознании членов общества; (2) групповое когнитивное пространство, т. е. совокупность знаний и идей, разделяемых всеми членами определенной социокультурной сферы (разделенной в масштабах семьи, профессии, вероисповедания и т. д.); (3) совокупность знаний и идей, общих для членов языкового и культурного сообщества определенной нации, т. е. познавательная основа. «Когнитивная основа, как проекция и неотъемлемая часть языкового и культурного сообщества в культурном пространстве, является постоянной величиной принятия и понимания культурных объектов» [Чэнь Хун 2009: 41].

В этой статье делается попытка рассматривать Северо-Восточную Азию как целостное политическое дискурсивное культурное пространство, а его углубленное изучение не может быть отделено от познавательных процессов, в результатах которого содержится идеологический компонент. Историческая память и политическая идентичность России являются проявлением

национальной идеологии, поэтому ее можно трактовать как познавательный конструкт, имеющий определенную практическую плотность, что позволяет проводить в рамках теории дискурсивного пространства и теории культурного пространства настоящее исследование. В работе также поднимается вопрос о формировании политического дискурса и выдвигаются предложения, имеющие определенную прикладную ценность.

2. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОТБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА ДИСКУРСА И КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Политический дискурс, как основная единица изучения политической лингвистики, является носителем политического сознания, а политическое сознание — выражение политической культуры. Пространство политического дискурса — это «место или координаты аргументов и предикатов, которые люди ищут по трем осям времени, пространства и модальности, когда они понимают и обрабатывают политический дискурс, и создание этих координат частично очерчивает истинное пространство оратора, то есть пространство дискурса, которое оратор хочет, чтобы слушатель знал и принял» [Ван Хуэй, Сунь Цзин 2016: 29]. Исследование культурного пространства политического дискурса в основном занимается взаимодействием дискурса, культуры и познания. В этой статье предпринята попытка проанализировать дискурсивное пространство и культурное пространство в китайско-российском политическом дискурсе, а также взаимосвязь между ними. На этой основе было смоделировано культурное пространство политического дискурса, а также глубже изучены вопросы представления исторической памяти и политической идентичности России в дискурсивном пространстве Северо-Восточной Азии и система политического дискурса, построенная в рамках этого культурного пространства.

Пространство политического дискурса — это абстрактный диапазон многих перепле-

тенных политических дискурсов. Пространство политического дискурса определяется характеристиками, идеологией и конструктивным типом. «Культурное пространство — это такое пространство, которое одновременно является идеологическим (поскольку оно политическое) и интеллектуальным (потому что оно содержит все виды тщательно продуманных выражений и риторических средств)» [Ли Шань 2015: 15]. Из этого можно видеть, что концепция культурного пространства в определенной степени также имеет политический характер и может быть представлена через описание власти культурного пространства, т. е. мы считаем, что культурное пространство также имеет политическую конструктивную природу. «Политическое построение пространства неизбежно подразумевает противоречие с общим построением пространства» [Цюй Чанмин 2010: 105], и в конкретном культурном пространстве неизбежно возникают противоречия между различными политическими субъектами в выстраивании и проведении политики. Такие противоречия выражаются именно в политическом дискурсе. «В жизни человеческого общества культура — это малозаметная и гибкая форма власти, которая составляет внутренний механизм культурной политики. В частности, культурная власть как внутренний механизм культурной политики в основном проявляется и реализуется в форме системы дискурса, системы представления, культурного пространства и идеологии» [Ли Шань 2015: 10]. В книге «Пространство и политика» Лефевр отмечает, что дискурсивное пространство является политическим: «Пространство — это не какой-то вид согласия или научный объект, где политика держится на большом расстоянии, а всегда политический и стратегический объект, заполненный продуктами

различных идеологий» [Ли Шань 2015: 15]; как сказал Фуко, «Полная история — это и история пространства, и история власти» [Ли Шань 2015: 16]. На основе приведенного выше анализа мы считаем, что существует определенная связь между пространством политического дискурса и культурным пространством, т. е. пространство политического дискурса отображается в культурном пространстве через культурные концепции.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что включение теории пространства дискурса и теории пространства культуры в рамки политической лингвистики для проведения исследований имеет определенную фактологическую обоснованность: такой подход тесно связывает пространство дискурса, культурное пространство и политику, а поскольку политическая лингвистика как отдельная дисциплина сформировалась в русле антропоцентрической парадигмы, предлагаемая исследовательская модель способствует развитию антропоцентрического направления.

3. АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Материалом для анализа в данной статье выступает Послание Президента России 2012 г. о положении в Российской Федерации. Предметом анализа являются историческая память и политическая идентичность России в связи с Северо-Восточной Азией, методом — реконструкция модели культурного пространства политического дискурса.

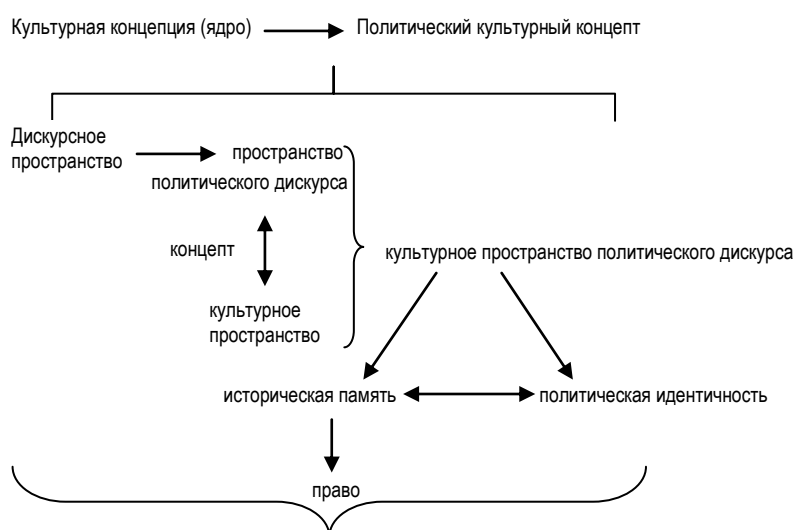

Рис. 2. Модель культурного пространства политического дискурса

2012 год был провозглашен «Годом российской истории», поэтому именно послание о положении в Российской Федерации 2012 г. было выбрано в качестве материала для фактически фундированного изучения вопросов исторической памяти и политической идентичности. Прежде всего рассмотрим три аспекта: время, пространство и модальность, чтобы воссоздать структуру пространства политического дискурса.

1. *Уважаемые граждане России! Уважаемые члены Совета Российской Федерации, депутаты Государственной Думы!*

2. *Уважаемые коллеги! На протяжении только одного XX века Россия прошла через две мировые и гражданскую войны, через революции, дважды испытала катастрофу распада единого государства. В нашей стране несколько раз коренным образом менялась вся система жизнеустройства. В результате в начале XXI века мы столкнулись с настоящей демографической и ценностной катастрофой, с настоящим демографическим и ценностным кризисом.*

В теории дискурсивного пространства первое, что нужно прояснить, — это понятия «я», «мы» и «другие». В первом предложении послания «Уважаемые граждане России! Уважаемые члены Совета Федерации Российской Федерации, депутаты Государственной Думы!» президент Владимир Путин поместил слушателей и себя в одно и то же политическое пространство, то есть в центр всего политического дискурсивного пространства. Кроме того, во втором предложении появился ряд других объектов: мировая война, гражданская война, революция, демографический кризис и кризис ценностей. Тем самым схематически пробуждаются фоновые исторические знания аудитории, а также сразу производится позиционирование этих сущностей [Ван Хуэй, Сунь Цзин 2016: 30]. «Демографический кризис», «ценностный кризис» находятся ближе к про-

странственному центру дискурса, а «мировая война, гражданская война, революция» — в конце пространственной оси, то есть в положении «другого».

С точки зрения временной и модальной осей в Послании Президента Владимира Путина есть пункт, который заслуживает особого внимания. «Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития». «Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией». 1917 и 1991 годы на временной оси — это прошлое, и они должны быть в конце прошлого на временной оси, три «мы» — в центре дискурсивного пространства, способ сокращения для оратора дистанции между слушателем и самим собой, также пробуждающий эмоции слушателя, а слово «Россия» находится в пространстве дискурса очень близко к основной оси. «Нация», «национальная и духовная идентичность» находятся в центре модальной оси. С учетом этого В. Путин, в свою очередь, предложил стратегию развития в рамках «поворота на Восток»: «В XXI веке вектор развития России — это развитие на восток. Сибирь и Дальний Восток — наш колоссальный потенциал. Это возможность занять достойное место в АТР — самом энергично и динамично развивающемся регионе мира». «Азиатско-Тихоокеанский регион» расположен ближе к ядру космической оси, «XXI век» находится в конце будущего на временной оси, «возможность» находится в центре на модальной оси.

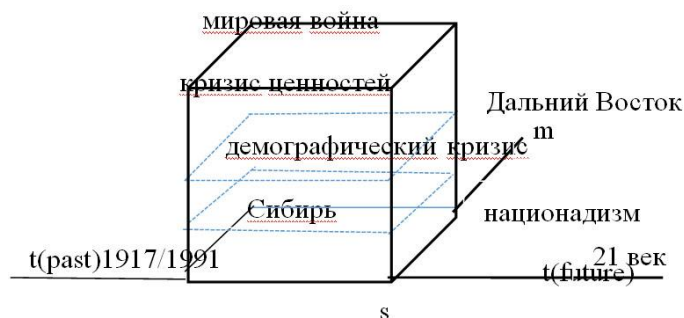

Рис. 3. Расположение ключевых слов по осям дискурсивного пространства

Из приведенного выше анализа пространства политического дискурса на материале Послания Президента Путина о положении в Российской Федерации 2012 г. не трудно понять, что основная линия, проходящая через него, — это культурная концепция «национализма», и для реализации национализма в России, реализации процветания страны и укрепления народа предлагается стратегия развития «поворота на Восток». Пространство политического дискурса отображается в культурном пространстве через культурную концепцию «национализма», раскрывая идеологию и ценности, воплощенные в политическом дискурсе. «Национализм» возникает как концепция, совместно принадлежащая членам русскоязычного и культурного сообщества, т. е. когнитивная база, с помощью которой пространство политического дискурса проецируется в культурное пространство. «Поворот на Восток» является важной стратегией развития России и горячей темой для дискуссий в академических кругах в последние годы. Один из основных вопросов, который стоит в центре внимания, заключается в том, действительно ли Россия поворачивается на Восток. Чтобы разобраться в сути этого вопроса, необходимо прежде всего изучить содержание национальной исторической памяти и политической идентичности России. В геопространственном аспекте Россия относится к странам, которые пересекают Евразию, но политические, культурные и экономические центры, к которым тяготеет страна, расположены на Европейском континенте, а Северо-Восточная Азия представлена в России только Дальним Востоком и Сибирью. На самом деле, «Восток был важным направлением российской дипломатии еще со времен царской России. С XVI века, в течение сотен лет, Россия регулярно фиксировалась на Востоке, обращая свои взоры на Османскую империю, империю Цин и центральноазиатские ханства и др.» [Чжао Хуашэн 2016: 3–4]. Политическое дискурсивное культурное пространство России на Западе сжимается: там как выстраивание дискурса, так и политическая идентичность находятся в тренде маргинализации, при этом «поворот на Восток» не означает ухода с Запада и полного поворота на Восток, но предполагает продолжение сотрудничества с Западом. На этой стратегической основе предполагается осваивать восточные рынки и находить для себя новые возможности развития, в соответствии с двуглавым орлом на гербе России, который смотрит как на Запад, так и на Восток. «Ресурсы политической идентичности являются основой для того,

чтобы политическая система приобрела идентификацию и доверие. Человек как субъект политической идентичности, его атрибуты определяют состав ресурсов политической идентичности. Поскольку человек включен в конкретную систему пространственно-временных координат, историческая память является эталонным ресурсом политической идентичности; насколько человек объективен и прагматичен, настолько реальный интерес и выгода являются прямым ресурсом политической идентичности; поскольку человек черпает смыслы в моральной сфере, ценности являются основным ресурсом политической идентичности. Для людей, отличающихся от животных самоидентификацией, система дискурса является общим ресурсом поддержания политической идентичности» [Чан Ицзюнь 2014: 84].

Как можно видеть, изучение вопроса о пространстве дискурса не может быть отделено от субъективности «человека» и должно проводиться в рамках парадигмы антропоцентризма, в которой политическая идентичность, историческая память, ценности (культурные ценности) и выстраивание системы дискурса могут быть включены в пространство дискурсивной культуры с центральным положением проблем политической идентичности. Политическая идентичность неотделима от культурных концепций, и в своем Послании о положении в Российской Федерации в 2012 г. президент Владимир Путин передал культурную концепцию «национализма», неоднократно использовал ключевую единицу «мы», чтобы продемонстрировать в пространстве дискурса тесную связь себя с другими, пробудить чувство национальной гордости и принадлежности к своей общности в сердцах российского народа, а тем самым реализовать политическую идентичность через эту культурную идентичность. Поэтому существенную, даже решающую роль в успехе стратегии развития России «поворот на Восток» играют культурные представления россиян, которые в то же время определяют политическую идентичность. Из этого следует, что культурные концепции занимают центральное место в культурном пространстве политического дискурса. В последние годы китайско-российские отношения всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства продолжают развиваться. Регион Северо-Восточной Азии, как ключевой регион, вызывающий озабоченность международного сообщества, имеет большое значение для активизации китайско-российского сотрудничества. В последние годы Китай продвигает инициативу «Пояс и путь», стремится к со-

трудничеству и развитию, направленному на Запад, а Россия предлагает стратегию развития «поворота на Восток». То, как две страны успешно реализуют сотрудничество и стыковку планов на фоне этих стратегических концепций, является ключевым фактором, который влияет не только на развитие двух стран, но и на весь мир и стабильность в Северо-Восточной Азии.

4. ВЫВОДЫ

В статье была предпринята попытка объединить теорию дискурсивного пространства когнитивной лингвистики с теорией культурного пространства лингвокультурологии через концепты культуры, чтобы построить модель культурного пространства политического дискурса, в которой концепты культуры находятся в ядре культурного пространства политического дискурса. Политическая идентичность России зиждется на доминировании национальных интересов. Анализ культурного пространства политического дискурса на материале русскоязычных политических текстов позволил выявить историческую память жителей России, связанную с Северо-Восточной Азией, и суть политической идентичности. С оживлением и укреплением китайско-российских отношений всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства, когда активность китайско-российских отношений достигла исторического максимума, главы двух государств также выразили готовность работать вместе в течение длительного времени, укреплять взаимное доверие на высоком уровне, расширять сотрудничество в различных областях, углублять обмена идеями и специалистами в гуманитарной сфере и интенсифицировать взаимное обучение, тесную международную координацию и сотрудничество, передавать из поколения в поколение идеалы дружбы между Китаем и Россией. В этой связи Китай и Россия должны и далее укреплять стратегическую координацию и сотрудничество, прилагать усилия для создания механизмов обеспечения региональной безопасности, активно создавать региональное сообщество единой судьбы и защищать мир и стабильность в Северо-Восточной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вежбицка, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицка. — Москва : [б. и.], 1996. — Текст : непосредственный.
2. Дергачева, Л. А. Исследование взаимоотношения образа и слова в обобщении / Л. А. Дергачева. — Текст : непосредственный // Проблема модели в философии и естествознании. — Фрунзе : [б. и.], 1969. — С. 25–31.
3. Захаренко, И. В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте / И. В. Захаренко. — Текст : непосредственный // Лингвокогнитивные проблемы меж-

культурной коммуникации. — Москва : [б. и.], 1997. — С. 92–99.

4. Красных, В. В. Иван Сусанин умывает руки (о макрокогнитивном аспекте дискурса в политической сфере) / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России : материалы рабочего совещания (30 марта 1997 г.). — Москва : [б. и.], 1997а. — С. 36–41.

5. Красных, В. В. К вопросу о русской когнитивной базе и русском культурном пространстве / В. В. Красных. — Текст : непосредственный // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. — Москва : [б. и.], 1997б. — С. 23–33.

6. Красных, В. В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / В. В. Красных, Н. П. Гудков, И. В. Захаренко. — Москва : [б. и.], 2004. — Текст : непосредственный.

7. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. — Москва : [б. и.], 1998. — Текст : непосредственный.

8. Леонтьев, А. А. Язык не должен быть «чужим» / А. А. Леонтьев. — Текст : непосредственный // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. — Москва : [б. и.], 1996. — С. 41–47.

9. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. — Москва : [б. и.], 1996. — Текст : непосредственный.

10. Сорокин, Ю. А. Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий / Ю. А. Сорокин. — Текст : непосредственный // Общение: теоретические и прагматические проблемы. — Москва : [б. и.], 1978. — С. 133–138.

11. Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология / Ю. А. Сорокин. — Самара : [б. и.], 1994. — Текст : непосредственный.

12. Chilton, P. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice* / P. Chilton. — London : Routledge, 2004. — Text : unmediated.

13. 马博. 2017. 俄罗斯“转向东方”战略评析——动机、愿景与挑战. [J]. 俄罗斯研究, (3): 49-75. = Mabo. 2017. *Eluosi “zhuaxiang dongfang” zhanlue ping xi — dongji yuanying yu tiaozhan*. [J]. *Eluosi yanjiu*, (3): 49–75.

14. 汪胜 孙静. 2016. 政治演讲的话语空间建构研究——以习近平主席 2014 年国家公祭日讲话为例. [J]. 成都: 西南交通大学出版社. = Wang Hui, Sun Jing. 2016. *Zhengzhi yanjiang dehua yu kongjian jiangou yanjiu — yi Xi Jinping zhuxi 2014 nian guojia gongji ri jianghua weili*. [J]. Chengdu: Xinan Jiaotong Daxue chubanshe.

15. 陈虹. 2009. 浅论克拉斯内赫和库德科夫对文化空间的建构. [J]. 文化艺术研究, 41: 40-41. = Chen Hong. 2009. *Qian lun kela si nei he he Kude ke fu dui wenhua kongjian de jiangou*. [J]. *wenhua yishu yanjiu*, 41: 40–41.

16. 李山. 2015. 文化权力: 文化政治的内在机理. [J]. 云南行政学院学报, (6): 10-19. = Li Shan. 2015. *Wenhua quanli: wenhua zhengzhi de neizai jili*. [J]. *Yunnan xingzheng xueyuan xuebao*, (6): 10–19.

17. 曲常明. 2010. 空间的政治性再定义——关于列斐伏尔《空间与政治》的理论述评 [J]. 语文学刊·外语教育教学, (11): 104-105. = Qu Chang Ming. 2010. *kongjian de zhengzhixing zai dingyi — guanyu lie fei fu er “kongjian yu zhengzhi” de lilun shu ping*. [J]. *Yu wenxue kan waiyu jiaoyu jiaoxue*, (11): 104–105.

18. 赵华胜. 2016. 评俄罗斯转向东方. [J]. 俄罗斯东欧中亚研究, (4): 1-16. = Zhao Hua Sheng. 2016. *Ping Eluosi zhuaxiang dongfang*. [J]. *Eluosi DongOu Zhong Ya yanjiu*, (4): 1–16.

19. 常轶军. 2014. 新视野——政治发展与治理. [J]. 俄罗斯东欧中亚研究, (6): 84-87. = Chang Yi Jun. 2014. *Xin shiye — zhengzhi fazhan yu zhili*. [J]. *Eluosi DongOu Zhong Ya yanjiu*, (6): 84–87.

REFERENCES

1. Vezhbtska, A. (1996). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow. (In Russ.)
2. Dergacheva, L. A. (1969). *Issledovanie vzaimootnosheniya obraza i slova v obobshchenii* [Study of the relationship between image and word in generalization]. In *Problema modeli v filosofii i estestvoznanii* (pp. 25–31). Frunze. (In Russ.)

3. Zakharenko, I. V. (1997). Precedentnye vyskazyvaniya i ikh funkcionirovanie v tekste [Precedent statements and their functioning in the text]. In *Lingvokognitivnye problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii* (pp. 92–99). Moscow. (In Russ.)
4. Krasnykh, V. V. (1997a). Ivan Susanin umyvaet ruki (o makrokognitivnom aspekte diskursa v politicheskoy sfere) [Ivan Susanin washes his hands (about the macrocognitive aspect of discourse in the political sphere)]. In *Politicheskii diskurs v Rossii* (Materials of the workshop (March 30, 1997), pp. 36–41). Moscow. (In Russ.)
5. Krasnykh, V. V. (1997b). K voprosu o russkoy kognitivnoy baze i russkom kul'turnom prostranstve [To the question of the Russian cognitive base and Russian cultural space]. In *Sopostavitel'naya grammatika i teoriya kommunikatsii* (pp. 23–33). Moscow. (In Russ.)
6. Krasnykh, V. V., Gudkov, N. P., & Zakharenko, I. V. (2004). *Russkoe kul'turnoe prostranstvo. Lingvokulturologicheskii slovar'* [Russian cultural space. Linguistic and cultural dictionary]. Moscow. (In Russ.)
7. Krasnykh, V. V. (1998). *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'* (Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya) [Virtual reality or real virtuality (Man. Consciousness. Communication)]. Moscow. (In Russ.)
8. Leont'ev, A. A. (1996). Yazyk ne dolzhen byt' «chuzhim» [The language should not be “foreign”]. In *Etnopsikhologicheskie aspekty prepodavaniya inostrannykh yazykov* (pp. 41–47). Moscow. (In Russ.)
9. Prokhorov, Yu. E. (1996). *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow. (In Russ.)
10. Sorokin, Yu. A. (1978). Stereotip, shtamp, klishe: k probleme opredeleniya ponyatiy [Stereotype, cliché, cliché: to the problem of defining concepts]. In *Obshchenie: teoreticheskie i pragmaticheskie problemy* (pp. 133–138). Moscow. (In Russ.)
11. Sorokin, Yu. A. (1994). *Etnicheskaya konfliktologiya* [Ethnic conflictology]. Samara. (In Russ.)
12. Chilton, P. (2004). *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge.
13. Mabo (2017). Eluosi“ zhuanxiang dongfang” zhanlue ping xi — dongji yuanjing yu tiaozhan. *Eluosi yanjiu*, 3, 49–75. (In Chinese)
14. Wang, Hui, & Sun, Jing (2016). Zhengzhi yanjiang dehua yu kongjian jiangou yanjiu — yi Xi Jinping zhuxi 2014 nian guojia gongji ri jianghua weili. *Chengdu: Xinan Jiaotong Daxue chubanshe*. (In Chinese)
15. Chen, Hong (2009). Qian lun kela si nei he he Kude ke fu dui wenhua kongjian de jiangou. *Wenhua yishu yanjiu*, 41, 40–41. (In Chinese)
16. Li, Shan (2015). Wenhua quanli: wenhua zhengzhi de neizai jili. *Yunnan xingzheng xueyuan xuebao*, 6, 10–19. (In Chinese)
17. Qu, Changming (2010). Kongjian de zhengzhixing zai dingyi — guanyu lie fei fu er“ kongjian yu zhengzhi” de lilun shu ping. *Yu wenxue kan waiyu jiaoyu jiaoxue*, 11, 104–105. (In Chinese)
18. Zhao, Huasheng (2016). Ping Eluosi zhuanxiang dongfang. *Eluosi DongOu Zhong Ya yanjiu*, 4, 1–16. (In Chinese)
19. Chang, Yijun (2014). Xin shiye — zhengzhi fazhan yu zhili. *Eluosi DongOu Zhong Ya yanjiu*, 6, 84–87. (In Chinese)